

ХРОНИКА

Творческий путь Ф. Шамполлиона¹

(К 125-летию дешифровки египетских иероглифов)

Еще теперь, 125 лет после того, как Ф. Шамполлион вернул речь давно умолкнувшим камням и папирусам древнего Египта, еще не все за рубежом понимают в достаточной степени величие его славного открытия². Еще до сих пор раздаются голоса о том, что на тернистом пути дешифровки Шамполлион имел предшественника, который указал ему результатами своих работ на возможность решения столь долго мучившей его загадки. Еще до сих пор не все согласны видеть в Шамполлионе того, кто первый из представителей современной науки познал число замков святилища бога Тога, бога мудрости в бога письма древнего Египта³. К познанию числа замков святилища Тога стремились цари долины Нила, но оно даровалось лишь тем из царей, которые были выделены особой милостью богов Египта. «Чужеземным варварам», конечно, число

¹ См. исследование Ш. Г. Франк-Каменецкого, Генциальное открытие Шамполлиона, «Новый Восток», 1923, кн. 2, стр. 456 сл. В основу настоящей моей статьи лег неопубликованный мой доклад «Сущность открытия Шамполлиона», прочитанный на торжественном заседании Российской Академии Наук 22 сентября 1922 г., посвященном дню рождения египтологии. Следует также отметить и ценную работу Н. Д. Флиттнер, Как научились читать иероглифы, Петроград, 1923.

² См., например, Adolf Erman, Die Entzifferung der Hieroglyphen, «Sitzungsber. d. preuss. Akad. d. Wiss.», 1922, стр. 1 сл. Эрман упрекает Шамполлиона в замалчивании заслуг Томаса Юнга (стр. 7—8). Все логически необходимые отклонения Шамполлиона от прямого пути дешифровки, созданной гениальным ученым в результате мучительного творческого процесса, рассматриваются Эрманом исключительно как ошибки (стр. 10 сл.). В конечном итоге А. Эрман не видит в Шамполлионе завершителя дешифровки египетского иероглифического письма. По его мнению, лишь в исследовании немецкого египтолога Р. Лепсиуса «достигла дешифровка своего завершения» (стр. 17). Я полагаю, что подобная недооценка А. Эрманом значимости открытия Ф. Шамполлиона была обусловлена в конечном итоге отрицательным отношением немецкого ученого к той революционной эпохе, представителем которой оставался основоположник египтологии. Во всяком случае следует отметить осуждение Эрманом участия Шамполлиона в борьбе против реакционного правительства Бурбонов (стр. 11 и 12). Простым продолжателем Томаса Юнга представлен Фр. Шамполлион в брошюре «The Rosette stone», напечатанной по поручению дирекции Британского музея в 1913 г. Брошюра была перепечатана без изменения в 1922 г., в год столетнего юбилея открытия Ф. Шамполлиона.

³ Мотив о таинственном числе замков святилища или хранилища мы встречаем в известной сказке о царе Хеопсе и волхвах. См. Б. А. Турев, Египетская литература, 1920, стр. 84 сл.

замков святилища Тота должно было быть навеки сокрытым. Жреп Горуполлон из Нилополиса создал вокруг египетского иероглифического письма плотную завесу мистицизма, столь характерную для эпохи разложения рабовладельческого общества. Создал ее Горуполлон в своей книге об египетских иероглифах, дошедшей до нас в греческом переводе, сделанном в V или VI в. В своем труде египетский ученый позднего эллинизма интерпретировал значение изучаемых им знаков египетского письма исключительно путем анализа идеограммы, или символа, скрытого, якобы, в пиктографическом облике того или другого иероглифа. Так, например, Горуполлон объяснял связь иероглифа, изображающего «гуся», со значением «сын» указанием на то, что, будто бы, гусь среди прочих живых существ больше всех любит своих детенышей, а связь иероглифа, изображающего «зайца», со значением «открывать» — утверждением, что заяц держит свои глаза всегда открытыми. При подобной интерпретации значения египетских иероглифов Горуполлон отрицал в последних наличие какого-либо фонетического элемента. Поэтому труд египетского писателя IV в. н. э. должен был сыграть зловещную роль в будущей истории дешифровки египетского иероглифического письма, которое в существенной своей части являлось фонетическим. Тем самым Горуполлон на многие века закрыл варварам далеких северных стран доступ к священным писаниям Египта. Он в крупнейших исследователях убивал всякую мысль о действительном подходе к дешифровке египетских иероглифов. Так, Афанасий Кирхер, безраздельно подпал под власть чар Горуполлона¹. Ученые последующего XVIII столетия также не могли освободиться от методов интерпретации египетских текстов, предложенных Горуполлоном. Тем не менее датчанин Карстен Нибур, открывший клинописные надписи Персеполя, смог оказать помощь исследованию иероглифического письма Египта. Во время своего пребывания в Египте с конца 1761 г. вплоть до середины 1762 г. Нибур ознакомился с иероглифическим письмом и сделал замечательное наблюдение, что число его знаков, отличающихся друг от друга, сравнительно невелико и оно, следовательно, не может иметь исключительно идеографический характер. Наблюдение Нибура, несколько потрясавшего основы системы Горуполлона, было подтверждено его соотечественником Георгом Соэгой в монументальном труде «De origine et usu obeliscorum», изданном в самом конце XVIII в.² Здесь же Соэга сделал на основании одного из указаний Климента Александрийского весьма вероятным предположение, что группы иероглифов, заключенные в овал, в так называемый «картуш», обозначали имена собственные древних царей Египта³. Это указание могло стать чрезвычайно важным в случае нахождения билингвы, необходимой предпосылки для успешной дешифровки не известного нам письма. В 1799 г. такая билингва была найдена — знаменитый Розеттский камень. Он содержит декрет жречества главнейших египетских храмов в честь Птолемея V Эпифана (204—181 гг. до н. э.) от девятого года правления последнего, т. е. от 196 г. до н. э. Греческий текст содержал около 10 имен собственных, а в последней его строке указывалось, что декрет должен был быть написан на твердом камне «*στῶς τε ἱεροῦς καὶ ἐϋχρητοῦς καὶ ἐγγυνοῦς γραμματικῆς*», т. е. «священными и туземными и греческими письменами»⁴. Мы теперь знаем, что различие между иероглифическим письмом и демотическим курсивом

¹ Литературу об Аф. Кирхере см. Б. А. Тураев, История Древнего Востока, т. 1, 1935, стр. 22.

² Согласно Эрману, ц. с., стр. 3, наблюдение Карстена Нибура сохранил лишь его сын Б. Г. Нибур, известный историк Рима, но оно было известно, надо полагать, и его соотечественнику Соэге.

³ См. Б. А. Тураев, ц. с., 1, стр. 22.

⁴ Последние издания Розеттского камня см. у K. Sethe, Urkunden des aegypt. Altertums, II разд., вып. 3 (1916 г.), стр. 166 сл. и W. Spiegelberg, Der demotische Text der Priesterdekrete von Kanopus. u. Memphis (Rosettana) mit den hieroglyphischen u. griechischen Fassungen. Гейдельберг, 1922 г., стр. 77 сл.

вом лишь чисто графическое. Тогда же исследователи видели между иероглифами и знаками демотического шрифта различие по существу: в первых они видели идеограммы, а во вторых фонемы-буквы. Предположительная характеристика знаков среднего текста алфавитными, а знаков верхнего текста символическими, находила свое подтверждение отчасти в намеках античных авторов. Так, Плутарх свидетельствовал о наличии в письме древних египтян 25 букв, отмечая еще то, что данное число «25» соответствует также числу лет жизни Аписа¹. Французский ориенталист Сильвестр де Саси, приступивший первым к изучению Розеттского камня, имел основание, опираясь на аналогию с персепольскими надписями, рассматривать иероглифы символами, а знаки «туземного» шрифта алфавитными. Обратившись в 1802 г. к исследованию демотического текста, он подошел к решению проблемы методом математической и установил в нем путем точных измерений группы знаков, соответствующие в греческой надписи именам Итолема, Вереники и Александра. Указанные группы Саси пытался, и в некоторых случаях удачно, разбить на отдельные буквы². Несколько позже, но в том же 1802 г., появилось исследование о демотическом тексте Розеттской плиты шведского ученого Давида Окерблада. Продолжая работу С. де Саси, Окерblad разлагает комплекс знаков, соответствующий тому или другому имени собственному греческого текста, на их фонетические элементы и составляет тем самым более или менее правильно демотический алфавит. С помощью его шведский исследователь прочитывает большинство из имен собственных демотического текста Розеттского камня, а благодаря своему знакомству с коптским языком, ему удается даже установить и несколько из слов текста³.

Преемником Окерблада выступил английский физик Томас Юнг. Он в 1814 г. возобновил исследование демотического текста Розеттского камня, начатое С. де Саси и Д. Окербладом. Он пополнил и исправил демотический алфавит своих предшественников. С его помощью он прочитал в основном правильно все имена собственные демотического текста, но дальше продвинуться в понимании самого текста он не смог. Демотическое письмо по существу столь же сложное, как и иероглифическое, не обладает вместе с тем той конкретностью своего графического образа, которая столь облегчает изучение иероглифического письма. В этом отношении демотический шрифт напоминает клинописный, ибо и здесь и там мало помогают при чтении текста наши обычные словари. Они должны быть заменены графически расположенными списками знаков, входящих в состав того и другого письма. К составлению подобного списка приступил впервые в конце прошлого века выдающийся русский ученый В. С. Голенищев⁴. Юнг, ознакомившись со сложностью демотического письма, мог легко, без колебаний и сомнений, отказаться от положения, что туземные письмена Розеттского камня были алфавитными⁵. Ознакомившись в 1814 г. с одним присланным ему демотическим папирусом и расширив тем самым свое знакомство с «туземными» письменами Египта, он высказывает догадку о какой-то связи между демотическими и иероглифическими письменами древнего Египта. Данная догадка высказывается им на основании

¹ Плутарх, Об Исиде и Осирисе, гл. 56.

² S. de Sacy, Lettre au citoyen Chaptal au sujet de l'Inscription Egyptienne. Paris, 1802.

³ D. Akerblad, Lettre sur l'Inscription égyptienne de Rosette, adressée au citoyen S. de Sacy. Париж, 1802.

⁴ Карточки этого графически расположенного списка демотических знаков хранятся в Восточном отделе Гос. Эрмитажа. Это ценное начинание В. С. Голенищева было отчасти завершено лишь в 1937 г. W. Erichsen в 3-м выпуске его «Demotische Lesestücke». В. С. Голенищеву принадлежит также слава авторства первой попытки создания подобного же списка клинописных знаков. См. его «Опыт графически расположенного ассирийского словаря», СПб., 1838. К сожалению, был издан лишь первый выпуск этого ценного труда.

⁵ Юнг был несомненно знаком с исследованиями, посвященными дешифровке персепольских надписей. Мы знаем, что он уже в 1796 г. заинтересовался алфавитами различных народов.

чувства и не доказывается им по отношению к каждому отдельному знаку и другого шрифта. Оба письма, правда, представляют звенья одной и той же графической цепи развития, но лишь ее крайние звенья, а среднее звено—так называемый иератический курсив, предшествовавший демотическому шрифту и сохранившийся еще в облике своих знаков генетическую связь с иероглифами,—оставалось не установленным Юнгом. Не установив графического недостающего звена графической цепи, Юнг не мог замкнуть цепь развития системы письменности древнего Египта. Она оставалась для него разорванной, и таким образом утверждение Юнга о генетической связи между иероглифами и демотическим письмом имело исключительно декларативное значение.

Свою фонетическую интерпретацию иероглифов, включенных в картуш, Юнг начал с иероглифов, заполнявших тот картуш, который 5 раз встречается в верхнем тексте Розеттского камня. Декрет был составлен египетскими жрецами в честь царя Птолемея V, неоднократно упоминаемого и в греческом тексте камня и поэтому естественно было видеть в комплексе иероглифов картуша фонетический эквивалент царского имени *Πτολεμαῖος*. Юнг должен был бы теперь, действуя методически, устанавливать для каждого из иероглифов изучаемого им картуша соответствующий ему знак в демотическом написании имени «Птолемей». Но сделать это он не мог, вследствие своего незнакомства с иератическим письмом. Иероглифы с их ярко выраженной графической образностью ему должны были все же казаться более близкими идеографическому письму, нежели знаки демотического шрифта. Поэтому, установив разительное количественное расхождение между числом греческих букв имени *Πτολεμαῖος* (10 букв) и числом иероглифов картуша (7 иероглифов), Юнг должен был прийти к выводу о силлабо-идеографическом характере некоторых из этих иероглифов. Таковое значение им устанавливается по отношению к трем из иероглифов картуша. В четвертом Юнг видел лишь графический знак, лишенный фонетического значения, и только по отношению к трем иероглифам картуша Розеттского камня он угадал правильно их фонетическое значение, отождествив их с греческими буквами «π», «σ» и «ι».

Подобное же смешение истины и заблуждений являет собой чтение второго картуша, открытого им при изучении другого памятника. Данный картуш Юнг случайно правильно отождествил с именем царицы Вереники. Основанием для отождествления послужил ему первый иероглиф картуша, похожий на изображение корзины¹. Юнг нашел для него фонетический эквивалент «βη», ибо так звучало по-коптски, т. е. на языке египетских христиан, слово, обозначающее «корзину»². Подобное отнюдь не убедительное сближение иероглифа с коптским словом и послужило Юнгу главным основанием для отождествления указанного картуша с именем царицы Вереники. Правда, отождествление оказалось случайно соответствующим действительности, но на столь зыбком основании трудно было построить надежную интерпретацию иероглифов, входящих в состав изучаемого Юнгом картуша. Поэтому он мог правильно угадать фонетическое значение лишь одного из иероглифов картуша, сопоставив его с буквой «η». Столь своеобразно переплетались в дешифровке Юнга истина и заблуждение. Ему удалось в дальнейшем найти в одном из иероглифов еще одну букву древнеегипетского алфавита, а именно букву «ϩ». Юнг довел таким образом число определенных им иероглифических букв до пяти—«ϩ», «ι», «η», «ρ» и «τ»,—но с помощью этого жалкого охвостья подлинного алфавита древнего Египта он ничего прочесть не смог.

Открыть доступ к сокровищнице древней, казалось, навеки забытой культуры было суждено лишь Франсуа Шамполлиону, родившемуся во французском городе

¹ В действительности это чаша для воскурения с изображением дыма, поднимающегося из нее. См. A. H. Gardiner, *Egyptian Grammar*, Оксфорд, 1927, стр. 487, R. 7.

² В действительности этим иероглифом обозначалась в поздних текстах буква «β».

Фижак 23 декабря 1790 г.¹ Уже в детстве внимание Шамполлиона было приковано к Египту, и он жил надеждой, что ему удастся решить столь долго тяготевшую над сознанием ученых загадку иероглифов. Он готовился вполне сознательно к решению поставленной себе задачи. Все известные тогда языки Ближнего Востока изучаются им и на школьной скамье и в годы работы в Collège de France, чтобы с помощью их найти впоследствии путь к пониманию надписей древнего Египта. Особенное внимание он, еще будучи мальчиком, обратил на изучение родственника древнеегипетского языка—коптского языка, который ему в дальнейшем, действительно, оказал некоторую помощь. Шамполлион, конечно, познакомился и со свидетельствами античных авторов о письме египтян, и, подобно всем своим предшественникам, он подпал под власть роковых чар Гореполлона, хотя и не без некоторой борьбы.

Когда семнадцатилетний студент Шамполлион в 1808 г. стал самостоятельно изучать Розеттский камень, он, преклоняясь перед авторитетом Гореполлона, отказался от дешифровки символической иероглифической надписи и приступил, подобно своим предшественникам, к исследованию демотического текста. Ему удалось независимо от Ожерблада, с работой которого он познакомился лишь впоследствии, установить большую часть демотического алфавита. Все же тайна иероглифического письма привлекала к себе с непреодолимой силой пылкий ум молодого ученого, и он стремится поэтому найти, неутомимо трудясь, опровержение положений Гореполлона среди высказываний античных писателей, живших в то время, когда надписи Египта еще не умели читать. Такой первой попыткой Шамполлиона преодолеть тяготевшие над ним чары Гореполлона был его доклад о системе письма Египта, с которым он выступил в 1810 г., будучи уже профессором Гренобльского университета, в Дельфинатской академии. В названной работе он пытался освободиться от тяжелого гнета учения Гореполлона с помощью свидетельства Порфирия, писателя III в. н. э. Вместе с Порфирием Шамполлион допускал существование 2 категорий иероглифов. Иероглифы первой из них могли быть фонетически читаемы, хотя не являлись алфавитными знаками в точном смысле этого слова. Лишь иероглифы второй разновидности имели аллегорическое значение и говорили языком загадок. Последние, названные Шамполлионом «анаглифами», были созданы, по его мнению, жрецами наряду с обычными фонетическими иероглифами в качестве своего сокровенного письма.

Столь резкое противопоставление анаглифического, или так называемого энигматического, письма иероглифическому является не совсем правильным, ибо между ними нет качественного отличия ни в фонетическом, ни в графическом отношении. Все же предположение о существовании самостоятельного анаглифического письма, различного от иероглифического, имело тогда для творческого пути Шамполлиона свое положительное значение. Оно послужило для него удобной рабочей гипотезой, которая на время освободила его от парализующих творческую мысль положений учения Гореполлона. Поэтому он мог уже тогда, в 1810 г., за 4 года до начала египтологических работ Юнга, высказать положение, что по крайней мере имена чужеземных царей и народов обозначались иероглифами, имевшими фонетическую значимость. Другим важнейшим достижением доклада Шамполлиона было открытие наряду с демотическим курсивом еще второго курсива, а именно так называемого иератического, на существование которого намекает из античных писателей один лишь Климент Александрийский. Открыв иератический курсив в некоторых изученных им папирусах, Шамполлион уже тогда высказал догадку, что установленный им третий вид египетского письма является посредствующим звеном между демотическим курсивом и иероглифическим письмом. Тем самым он пришел к выводу об единстве графической системы Египта, не осознав, правда, подлинной последовательности основных вех последней. Действительно, наибольшую древность Шамполлион приписал демотическому курсиву, возникшему, как

¹ О жизни и трудах Ф. Шамполлиона см. Hermine Hartleben, Champollion, sein Leben u. sein Werk, 2 тома, 1906. См. В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории Древнего мира, Петербург, 1923.

известно, лишь в I тысячелетии до н. э. Из демотического курсива возник, как ошибочно полагал тогда Шамполлион, иератический курсив, а из последнего уже иероглифическое письмо. Опираясь на свою гипотезу 1810 г. об особом анаглифическом письме, противоположном иероглифическому, Шамполлион пытается в 1813 г. впервые в истории дешифровки египетского письма, установить существование иероглифов-букв. Он нашел в иероглифическом тексте Росеттского камня указание на суффиксы личных местоимений и, сравнивая их с соответствующими 6 суффиксами коптского языка¹, полагал, что ему таким образом удастся установить первые 6 иероглифических букв. Может быть, уже тогда он установил с предельной точностью фонетическую значимость иероглифа, изображающего рогатую гадюку, сопоставив его с коптским суффиксом 3 лица муж. рода ед. числа «/»².

С 1814 г. политическая обстановка, сложившаяся во Франции, задерживала интенсивную последовательную работу молодого ученого. Совсем он и тогда не бросал своего изучения египетских надписей, и этот отрезок его творческого пути известный археолог А. Мори назвал временем, когда Шамполлион изготавлял себе всевозможные ключи, дабы с их помощью открыть, а не взломать плотно замкнутую дверь, закрывающую путь к науке о древнем Египте. Использовать эти ключи он тогда не мог, ибо не знал еще числа замков святилища бога письма древнего Египта. Его выводы покоились пока на шаткой основе догадок, обусловленных кратким и не совсем ясным свидетельством Порфирия о характере египетского письма. В конце 1818 г. основоположник египтологии отверг реальность свидетельства Порфирия и тем самым отказался от основного предположения своего доклада 1810 г. о резком различии между иероглифическим и «анаглифическим» письмом. Он понял, что иероглифы и «анаглифы» неотделимы друг от друга и входят в состав единого иероглифического письма.

Убедившись в единстве иероглифического письма, Шамполлион сделал из этого положения неверный вывод. Он подчеркивал теперь со всей последовательностью отсутствие в иероглифическом письме какого-либо фонетического элемента и пытался доказать справедливость данного положения и по отношению к именам собственным греческих и римских царей Египта. В иероглифическом написании последних, казалось, можно было предположить применение какого-то фонетического принципа. Шамполлион сам, как мы выше видели, высказал в 1810 г. подобное же предположение. Теперь, в начале 1819 г., он отказывается от этой мысли, ссылаясь на то обстоятельство, что картуш Птолемея, засвидетельствованный иероглифическим текстом Росеттского камня, был найден и на стенах фиванских храмов, которые тогда ошибочно рассматривались восходящими к глубокой древности. Из данного факта Шамполлион сделал вывод, что картуш Птолемея на Росеттском камне может иметь лишь идеографическое значение — «воинственный», подобно греческому *Πτολεμαῖος*, производному от слова *πόλεμος* — «война». «Действительно, — говорит он, — мы видим среди иероглифов картуша иероглиф, изображающий лежащего льва, который мог бы обозначать силу, воинственную мощь». «Иероглифы, — продолжает Шамполлион, — не выражают звуков. Египтяне брали иероглифы, близкие по идее, находя их в именах своих древних царей, которые украшали храмы Фив»³.

Вывод об идеографическом характере даже тех иероглифов, которые входили в состав царского имени Росеттского камня, Эрман назвал «авантюристической» мыслью⁴. Действительно, столь суровая оценка положения Шамполлиона начала 1819 г. является, на первый взгляд, обоснованной, поскольку вывод об идеографичности имен собственных царей эллинистического Египта казался шагом назад по сравнению с достижениями 1810 и 1813 гг. Тем не менее мы должны признать оценку Эрмана несправедливой,

¹ Т. е. с «i» (первое лицо), «k» (2 лицо муж. р.), «e» (2 лицо жен. р.), «f.» (3 лицо муж. р.), «s» (3 лицо жен. р.) и «ou» (3 лицо множ. ч.).

² Предположение А. Эрмана, цит. соч., стр. 10—11.

³ Н. Hartleben, цит. соч., 1, стр. 385.

⁴ Цит. соч., стр. 11.

тель положение Шамполлиона 1810 и 1813 гг. о фонетической значимости иероглифов покоилось, как мы видели, на порочной предпосылке. Отвергнув ее, Шамполлион сделал, несомненно, шаг вперед на извилистом пути разрешения поставленной перед ним задачи. Мысль об идеографическом характере даже царского имени иероглифического текста Розеттского камня таила в себе и возможность подлинного освобождения от мертвящих оков учения Гореполлона. Для достижения данной цели Шамполлион должен был обратить всю свою пылливость, все свое внимание на изучение иератического письма, существование которого им тогда, в 1810 г., было впервые предположено.

Новый материал—иератические папирусы Лионского музея, с которыми он знакомится в 1820 г., дает ему возможность доказать со всей неопровержимостью существование наряду с демотическим самостоятельного иератического курсива. Иератическое письмо приняло теперь для него вполне четкий, конкретный облик. Он может сопоставить каждый из его знаков с соответствующими знаками иероглифического и демотического письма. Теперь же Шамполлион мог установить подлинную последовательность в развитии графической системы Египта. Оказалось, что из иероглифов произошло иератическое письмо, являвшееся сокращенным написанием иероглифов, а из иератического уже развился демотический курсив, являвшийся, в свою очередь, сокращенным написанием иератического. Если же действительно, иероглифы генетически связаны с иератическим курсивом, а последний связан, в свою очередь, генетически с демотическим, то из данных предпосылок следует с логической необходимостью вывод о генетической связи иероглифического письма с демотическим курсивом. Таким образом, Шамполлион доказал с математической точностью то положение об единстве графической системы Египта, которое Юнг мог лишь предположительно высказывать. Шамполлион вызвал из мира забвения неутомимым трудом и цепкой наблюдательностью иератическое письмо, не известное до него европейской науке. Тем самым он нашел выпавшее из цепи графического развития Египта среднее звено, и разорванная цепь снова и—теперь уже прочно—сомкнулась.

Из своего положения об единстве графической системы Египта и из аксиомы об идеографичности иероглифов, постулированной учением Гореполлона, Шамполлион должен был сделать вывод об идеографичности иератического и демотического курсивов. Сделав этот логически необходимый вывод и сопоставив его со своим наблюдением об идеографической значимости царского имени иероглифического текста Розеттского камня, Шамполлион должен был с той же логической необходимостью умозаключить, что и имена собственные в демотическом тексте имеют идеографическую, а не фонетическую значимость. Получив в конечном итоге своих умозаключений этот вывод, Шамполлион, конечно, надолго с ним примириться не мог. Дело в том, что непосредственным следствием его было лишение какой-либо научной ценности того демотического алфавита, который был установлен Окербладом путем сопоставления имен собственных греческого и демотического текстов Розеттского камня. Шамполлион сам работал когда-то над тем же демотическим текстом, исходя из предпосылки о фонетической значимости его знаков. Независимо от Окерבלада, он пришел по существу к тем же результатам, что и его предшественник. Ему даже удалось дополнить и исправить алфавит, предложенный шведским ученым. Трудно было отказать от достижения предшествующего времени ради вывода, невольно вызывавшего мысль о том, что предпосылки им доведены до абсурда. Поэтому Шамполлион должен был со всей тщательностью проверить положение об исключительно идеографическом характере демотического письма. Наряду с иератическим курсивом он приступил снова к изучению демотического текста Розеттского камня с привлечением всего доступного ему тогда материала. В своей большой работе 1821 г., объединившей его наблюдения 1820 г. над иератическим письмом, Шамполлион говорит и о демотическом курсиве и об иероглифах. Доказав здесь единство графической системы Египта и указав на идеографический характер ее, он тем не менее снова уже признавал применение в демотическом письме фонетических знаков для передачи чужеземных имен собственных. Еще более четко отметил он результат своих исследований, посвященных данному предмету.

в изъезде своего знаменитого письма к неперемемному секретарю Парижской Академии Наук Дасье: «Интерпретация демотического текста Росеттской надписи с помощью греческого текста, который его сопровождает, дала мне возможность установить, что египтяне пользовались известным количеством знаков, которым они присвоили свойство выражать звуки, чтобы ввести в свои идеографические тексты имена собственные и чужеземные слова на египетском языке»¹.

Добившись подобного результата при изучении демотического текста Росеттской надписи, Шамполлион должен был теперь проерить те две предпосылки, на основании которых он пришел на короткое время к выводу об исключительно идеографическом характере демотического письма. Содержанием первой предпосылки являлось положение самого основоположника египтологии об единстве графической системы Египта, а содержанием второй предпосылки служило положение Гораполлона об идеографичности иероглифического письма во всем его объеме. В истинности первой предпосылки Шамполлион сомневаться не мог, слишком точным было для этого доказательство его положения об единстве графической системы. Следовательно, оставалось искать ошибку во второй предпосылке, в порочности положения Гораполлона об исключительно идеографическом характере иероглифов. Авторитет Гораполлона, веками признававшийся учеными Европы, был, наконец, повергнут в прах. Шамполлион мог теперь отказаться от безоговорочного признания положений его учения.

Отказавшись же от учения Гораполлона и опираясь на установленное им самим единство графической системы Египта, Шамполлион должен был сделать следующий вывод о характере иероглифического письма: «Раз было установлено применение этих фонетических знаков в демотическом письме и если знаки этого народного письма были, как я это доказал, заимствованы из письма иератического, или жреческого, и если, со своей стороны, знаки этого иератического письма были, как я это установил в различных моих исследованиях, не чем иным, как сокращенным изображением, подлинной скорописью иероглифов, то я должен был естественным образом умозаключить, что этот третий род письма, настоящее иероглифическое письмо должно было иметь также известное количество своих знаков, наделенных способностью выражать звуки. Одним словом, я должен был умозаключить, что существовал равным образом ряд фонетических иероглифов»².

Правда, это рассуждение Шамполлиона мы находим в начале его знаменитого письма к Дасье от 22 сентября 1822 г., но мы находим его по существу уже в его вышеупомянутом труде об иератическом письме, написанном им в Гренобле в мае 1821 г. Здесь молодой гренобльский профессор, указав на применение в демотическом письме фонетических знаков для передачи иностранных имен собственных, допускает наличие таких же фонетических элементов в письме иератическом и иероглифическом³.

Со своим исследованием об иератическом письме Шамполлион приехал в июле того же 1821 г. в Париж, потеряв профессуру в Гренобле из-за своей политической неблагонадежности. В середине августа он прочитал свою работу перед Академией, где его доклад вызвал всеобщее восхищение. Не давая себе отдыха, он продолжал работать над окончательным оформлением убедительного для всех доказательства своего вывода о существовании иероглифического алфавита. Он приступил теперь к транскрипции имен собственных демотического текста Росеттского камня их иерати-

¹ «Lettre à M. Dacier, relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques, employés par les Egyptiens pour inscrire sur leur monuments les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains», Париж, 1822, стр. 3—4.

² Письмо к Дасье, стр. 5.

³ Таким образом труд Шамполлиона об иератическом письме древнего Египта таит в себе в зародыше его письмо к Дасье, подобно тому, как последнее является зародышем его «Précis du Système hiéroglyphique des anciens Egyptiens», 1824 г., а «Précis», в свою очередь,—зародышем его главного труда «Grammaire égyptienne», заданного уже после его смерти его старшим братом.

ческими эквивалентами, а затем к замене этих последних соответствующими иероглифами. Свою работу он начал с имени Птолемея, картуш которого, как было выше сказано, сохранился в иероглифической надписи Росетского камня. Транскрипция Шамполлиона иероглифами демотического написания имени Птолемея совпала с начертанием подлинного иероглифического картуша Птолемея. Следовательно, ему удалось установить для каждого иероглифа его демотический эквивалент, а тем самым равнозначную ему греческую, или, точнее, коптскую, букву.

Картуш Птолемея Росетского камня Шамполлион передавал в конечном итоге своих транскрипционных штудий семью коптскими буквами $\pi\tau\sigma\lambda\mu\eta\varsigma$ ¹. То обстоятельство, что 10 буквам греческого написания этого имени Κλεοπάτρας противостояли лишь 7 иероглифических букв, не могло смутить Шамполлиона. Такой несовершенный способ огласовки он встречал и в других письменных системах Востока. Продолжая транскрипцию имен собственных демотического текста Росетского камня, Шамполлион установил существенную особенность позднего иероглифического письма, а именно тождество фонетической значимости многих графически различных иероглифов. Подобные иероглифы, различные по своему графическому образу, но тождественные в фонетическом отношении, Шамполлион назвал «гомофонами». Данное наблюдение, бесспорно правильное для письма позднего времени, помогло ему преодолеть в своем исследовании то затруднение, которое вставало перед ним в лице чрезвычайного обилия иероглифических букв. Все многочисленные иероглифические алфавитные знаки, установленные им, разбивались теперь на сравнительно небольшое количество фонем. В том же 1821 г., столь богатым достижениями на мучительном пути дешифровки египетского письма, Шамполлион получил известный демотический папирус из собрания Casati, снабженный греческим протоколом. В названном папирусе он впервые нашел, наряду с именем Птолемея, и демотическое написание имени Клеопатры. Упоминание последнего в названном демотическом документе имело большое значение ввиду общности многих букв в этом имени и в имени Птолемея. Написание имени Клеопатры в папирусе Casati лишнее раз подтвердило правильность установленного им демотического алфавита, и Шамполлион, прочитав его, тотчас же транскрибировал данный комплекс демотических знаков соответствующими иероглифами. Ему оставалось теперь только ждать подтверждения своей иероглифической транскрипции имени Клеопатры со стороны иероглифической надписи, которая в бесспорном контексте содержала бы картуш Клеопатры. Он тогда уже слышал о существовании таковой надписи. Это была иероглифическая надпись на маленьком обелиске, найденном около храма Исиды на острове Филы. Надпись содержала 2 картуша, а греческая надпись на доколе обелиска упоминала наряду с именем Птолемея и имя Клеопатры. В январе 1822 г. Шамполлион получил, наконец, литографию иероглифической надписи обелиска; иероглифы картуша, не тождественного с картушем Росетского камня, почти полностью совпали со знаками его иероглифической транскрипции демотического написания имени Клеопатры². То, что греческое «κ» было передано в картуше обелиска с острова Филы иным иероглифом, нежели в картуше Птолемея Росетского камня, не могло, конечно, служить препятствием для отождествления картуша Клеопатры с иероглифической транскрипцией Шамполлионом написания имени Клеопатры в демотическом папирусе Casati. Его теория гомофонов вполне удовлетворительно объяснила данное явление. Новый памятник окончательно подтвердил Шамполлиону его чтение картуша Птолемея и иероглифическую транскрипцию всех имен собственных демотического текста Росетского камня. Он установил теперь иероглифический алфавит в полном его объеме и с его помощью прочитал все царские картуши доступных ему иероглифических надписей. К сожалению, они все относились к поздней эпохе и самыми древними из них являлись кар-

¹ За отсутствием коптского шрифта я передаю коптские буквы их греческими эквивалентами.

² Картуш обелиска из Фил отличается лишь несколько более полной огласовкой в передаче имени «Клеопатра».

тунии персидских царей. В эту же эпоху египетская культура вошла уже в соприкосновение с греками, и поэтому можно было предположить, что египетский иероглифический алфавит, как нечто чуждое египетскому иероглифическому письму, был создан под воздействием греческого письма.

Шамполлион теперь не может согласиться со столь упрощенным решением вопроса о возникновении иероглифического алфавита, и он поэтому с лихорадочным напряжением просматривает весь материал надписей и папирусов, которым он тогда располагал, в надежде найти неоспоримое доказательство более древнего применения египетского алфавита. Наконец, 14 сентября 1822 г. его неутомимые поиски увенчались заслуженным успехом. В этот день он получил от путешественника Ниуот копии с новых надписей египетских храмов. Среди них он нашел картуш, первый из иероглифов которого служил изображением солнца, читаемого по-коптски «рп». Второй из иероглифов картуша оставался ему, правда, неизвестным, но зато тождественные друг другу третий и четвертый иероглиф соответствовали букве «с». Невольно возникла в его сознании догадка, что перед ним картуш великого царя Рамсеса, и эта догадка блестяще подтвердилась, когда он при дальнейшем просмотре нового материала встретил аналогичный по конструкции картуш, в котором иероглиф солнца был заменен иероглифом ибиса, посвященного богу письма¹, называвшегося по-коптски «всета», а третий иероглиф соответствовал букве «с». Тогда он без колебания прочитал во втором картуше имя «Гутмес», а в первом—имя «Рамсес». Эти имена фараонов, судя по царским спискам египетского историка Манефона, относились к XVIII и XIX династиям, т. е. к периоду столь древнему, когда о каком-либо греческом влиянии и речи быть не могло. Таким образом, было найдено Шамполлионом неопровержимое доказательство того, что иероглифический алфавит был создан египтянами задолго до появления греков в долине Нила и входил тем самым в качестве органической части в систему письма древней страны пирамид.

Великое открытие, доказавшее действительность на протяжении многих веков установленного им иероглифического алфавита, настолько потрясло существо Шамполлиона, что он, сообщив брату о последнем своем достижении, впал в глубокий обморок, длившийся несколько суток. Оправившись от него, он написал в несколько дней свое знаменитое «Письмо к господину Дасье относительно алфавита фонетических иероглифов, применяемых египтянами, чтобы вписывать на своих памятниках титулы, имена и названия государей греческих и римских». Правда, исследование с подобным названием Шамполлион мог написать уже давно, но только теперь он мог его закончить следующими замечательными словами: «Я имею уверенность, что те же самые иероглифы иско-фонетические знаки, применяемые для того, чтобы представить звуки греческих и римских имен собственных, были применяемы также в идеографических текстах, увековеченных задолго до прихода греков в Египет, и что они имели уже тогда в известных случаях то же самое значение представления звуков, или произношения, что и в картушах при греках и при римлянах»². Шамполлион даже решился в этой связи высказать интереснейшую догадку о происхождении финикийского алфавита из иероглифического письма³.

Доклад произвел на всех присутствовавших, среди которых находился и Юнг, сильнейшее впечатление. Все почувствовали, что в этот пасмурный осенний день 27 сентября солнце Египта, столь долго пребывавшее в потустороннем мире забвения, снова взшло и засияло над миром. Юнг понял, что загадка иероглифов, не решенная им, была, наконец, решена молодым французским ученым и что система наук обогатилась новой востоковедной дисциплиной—египтологией. Он, правда, пишет одному из дру-

¹ См. *Notae rollinis Nilot Hieroglyphica*, 1, 36.

² Письмо к Дасье, стр. 44.

³ Открытие так называемого синайского иероглифического письма подтверждает догадку Шамполлиона. См. В. В. Струве, Происхождение алфавита, изд. «Время», 1923.

зей своих, что ключ к прочтению иероглифов был заимствован Шамполлионом в Англии, т. е. у него, у Юнга. Подобная претензия Юнга, высказанная им ради самоутешения, доказывала, что он не вполне понял аргументацию Шамполлиона и не осознал различия между своими декларативными положениями и обоснованными выводами французского исследователя, покоящимися на громадном проработанном материале. Юнг сам должен был признать в том же самом письме, что он—Юнг—со своим пресловутым ключом ничего поделывать не мог, ибо «замок иероглифического письма был настолько заржавленным, что лишь мощная рука Шамполлиона была в состоянии повернуть ключ в замке»¹. Последнее утверждение Юнга также не соответствует действительности. Он не располагал подлинным знанием ни об одном из замков святилища бога Тота, мудрого бога письма. Он не мог установить неопровержимыми доводами ни единство графической системы Египта, ни стем иероглифического алфавита. Их установил без помощи кого-либо, а тем более Юнга, в мучительном процессе творческой мысли Франсуа Шамполлион.

27 сентября 1822 г. путь дешифровки был уже почти пройден Шамполлионом, уже был близок момент его завершения. В ближайшем месяце он со всей бесспорностью доказал свое положение о существовании иероглифического алфавита задолго до прихода греков в Египет. Продолжая расширять свои знания в области иероглифических текстов, он скоро убедился в применении иероглифического алфавита и вне картушей, а из этого следовало, что установленные им фонетические иероглифы являлись, согласно его выражению, «душой» всей графической системы Египта.

Наряду с алфавитными иероглифами и подлинными идеограммами, называемыми Шамполлионом «*caractères symboliques*», он установил еще особую группу иероглифов, имеющих преимущественно графическое значение. Они назывались им «*caractères figuratifs*»—«фигуративными знаками» или «*déterminatifs*»—«определятелями». Они писались после каждого фонетически написанного слова и определяли класс явлений, которые обозначались данным словом. Так, например, после мужского имени писался иероглиф, изображающий мужчину, после слова, обозначающего название какого-нибудь здания или строения, следовал иероглиф, изображающий дом, и т. п. Установлением детерминативов Шамполлион познал третий замок святилища бога Тота. Он оказал ему громадную помощь. Особанне значений «фигуративных знаков» как определителей-детерминативов, а также знание коптского языка обусловили его сказочные успехи в понимании многочисленных изучаемых им древнеегипетских текстов. Все его достижения: и единство графической системы Египта, и глубокая древность алфавита, прозывающего всю систему письма, и, наконец, определение содержания неизвестных слов «фигуративными знаками»—«детерминативами»—стали основой изложения знаменитого его «*Précis*», появившегося в своем первом издании в 1824 г. Данный труд содержал в зародыше не только последующие работы Шамполлиона, но и основные линии дальнейшего развития египтологии.

Лишь немного лет смог основоположник египтологии направлять науку, вызванную им к жизни. Его привели к преждевременной смерти не только непрерывный, не знавший отдыха исследовательский труд, но и неумолимая жестокость окружающего его буржуазного общества.

Мы, советские ученые, счастливы сознанием того, что в нашем отечестве были подлинныи ученые, которые в свое время по достоинству оценили гениальное открытие Франсуа Шамполлиона². Самым выдающимся среди них был член Российской Академии Наук, директор Петербургской публичной библиотеки и впоследствии президент Академии Художеств Александр Николаевич Оленин, в гостеприимном доме которого Александр Сергеевич Пушкин был своим человеком. О подлинном интересе Оленина к достижениям дешифровки Шамполлиона свидетельствует их переписка,

¹ Hartleben, цит. соч., I, стр. 427.

² См. исследование Г. Н. Бороздиной, Развитие египтологии в России, «Новый Восток», 1923, кн. 3.

часть которой была издана советскими исследователями¹. Александр Николаевич Оленин, осознав все величие победы гениального ученого над мистицизмом лжеучения Гораполлона, несомненно, должен был повторить, подобно нам, слова столь близкого ему и нам гениального поэта:

*«Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скростся тьма!»*

Акад. В. В. Струве